

Федорова Ксения Евгеньевна

**КАТЕГОРИЯ ВОЗВЫШЕННОГО В СВЕТЕ ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
АФФЕКТИВНОСТИ**

В статье предлагается анализ категории возвышенного с точки зрения современных философских, а также культурологических и нейронаучных теорий аффективности. Методологии данных теорий позволяют выявить новые особенности связи чувственного и когнитивного уровней в восприятии возвышенного и определить его как феномен "чистой интенсивности" и интенции преодоления границ чувственности, возникающих на докогнитивном уровне.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/11-2/48.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37): в 2-х ч. Ч. II. С. 191-193. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 111.8

Философские науки

В статье предлагается анализ категории возвышенного с точки зрения современных философских, а также культурологических и нейронаучных теорий аффективности. Методологии данных теорий позволяют выявить новые особенности связи чувственного и когнитивного уровней в восприятии возвышенного и определить его как феномен «чистой интенсивности» и интенции преодоления границ чувственности, возникающих на докогнитивном уровне.

Ключевые слова и фразы: возвышенное; аффект; опыт-предел; воображение; чувственность; асигнификация; интенсивность.

Федорова Ксения Евгеньевна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
ksenfedorova@gmail.com

**КАТЕГОРИЯ ВОЗВЫШЕННОГО В СВЕТЕ ФИЛОСОФСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ АФФЕКТИВНОСТИ[©]**

Возвышенное – одна из наиболее фундаментальных категорий эстетики, описывающая опыт встречи с тем, что превосходит когнитивные способности человека и сталкивает его с осознанием собственных границ. Среди разнообразных аспектов проблематики возвышенного одним из ключевых является соотношение чувственного восприятия и реакции сознания. Горизонт современных исследований аффективности (обозначаемый также как «аффективный поворот») позволяет углубить и конкретизировать понимание роли аффективно-чувственного начала феномена возвышенного.

Возвышенное можно рассматривать как нечто, принадлежащее области «чистого логоса», «ноуменального», «метафизического», как то, что не подчиняется законам простой физики и лежит за границами чувственно воспринимаемого, т.е. является сверхчувственным (*«suprasensibilis»*) [5]. С другой стороны, возвышенное – это также само чувство, которое охватывает при попытках воспринять бесконечное и тотальное в ноуменальном, то, что несоизмеримо с возможностями разума, т.е. «логоса», данного человеку. По емкому выражению Ж.-Л. Нанси, возвышенное – это «чувственность ухода от чувственного» [16, р. 45].

Подобный парадокс коренится уже в классическом понимании данной категории. Так, И. Кант рассматривал возвышенное в первую очередь с позиций анализа когнитивных способностей, объясняя его как феномен, порождаемый в результате конфликта воображения и рассудка, чувственно воспринимаемого и невозможности «схватить» объект подобного восприятия в понятии. Этот конфликт становится причиной одновременно удовольствия в обнаружении того, что находится за пределами разумения, и неудовольствия от осознания невозможности представить это в форме понятия. Ощущением отдается прерогатива лишь «поставления данных», тогда как их обработка происходит на уровне сознания, где материал восприятия и может быть утвержден в качестве возвышенного: «Возвышенно то, одна возможность мысли, о чем уже доказывает способность души, превышающую всякий масштаб [внешних] чувств» [3, с. 188]. Возвышенное определяется идеями всеобщности и безмерности чувственно воспринимаемого мира, которые диктует разум. Эти идеи доводят воображение (область, ответственную за соединение данных чувственного созерцания и понятий рассудка) до бессилия, до осознания своих пределов. Идеи разума могут быть помыслены, но не могут быть познаны (в понятиях рассудка) или воображены¹ – они оказываются доступны лишь самой способности разума. Следовательно, возвышенное вызывает разногласие, или «рассогласованное согласие», «разлаженную связь», между требованиями разума и способностью воображения.

Как подчеркивает Ж. Делез в своем анализе кантианских «Критик», будучи доведены до своего предела, различные способности обнаруживают связь лишь в фундаментальном разладе. Благодаря же способности воображения опыт возвышенного становится «опытом мира чистого становления». «Согласие между воображением и разумом не просто допускается: оно подлинно порождается, порождается в разладе» [1, с. 200]. На наш взгляд, именно факт порождения и становления, подразумевающий неразрывную связь между напряжением конфликта и его разрешением в самом себе и может стать основой концепции возвышенного как аффекта. Ни сам Кант, ни Делез в интерпретации 3-й Критики не обращаются к данному термину напрямую. Более того, согласно классическим концепциям (например, Шиллера, но также отчасти и Канта), возвышенное проявляется, по преимуществу, в превосходстве над физическими аффектами и страстями нравственного начала: именно на господстве над порывами чувственности основано понятие *virtus*, или благородство и величие души (таким образом, внутри эстетического измерения задается также и этическое). Подобное понимание правомерно, однако как понимание, принадлежащее классической парадигме, оно ограничено требованием наличия некоего идеала. Преодолению этого ограничения, как представляется,

[©] Федорова К. Е., 2013

¹ Стоит отметить, что воображение, по Канту, имеет дело не столько с вещами, сколько с представлениями: «Воображение есть способность представлять предмет также и без его присутствия в созерцании» [4, с. 110].

может способствовать понятие предельности. Именно с обнаружением предела и связано, как правило, напряжение, характеризующее аффект.

Историю традиции рассмотрения аффектов можно проследить от Лукреция через Б. Спинозу до У. Джеймса, философии жизни А. Бергсона, А. Уайтхеда. В философии XX века поворот от картезианства к акцентуации роли восприятия и опыта проявляет себя особенно ярко и разнообразно: классическая феноменология, философия Хайдеггера, учения Мерло-Понти, Делеза и Гваттари, наконец, психоанализ¹. В конце 1990-х годов интерес к аффективности был актуализирован (применительно к разным контекстам) в работах С. Ахмед [7], А. Дамасио [12], П. Клоуф [21], У. Коннолли [9; 10], Б. Массуми [15], И. К. Седвик [17], Н. Трифта [22; 23], С. Шавиро [18], М. Хэнсена [13] и др. [14; 20].

Наиболее очевидное и фундаментальное качество аффективности, характерное в том числе и для возвышенного, описывается в рамках парадигмы базовых эмоций (ассоциируемой в основном с именем психолога С. Томкинса [24]). Согласно этой парадигме, существует ряд эмоциональных реакций, таких как страх, ужас, отвращение, восторг, печаль, удивление, которые осуществляются на автоматическом, рефлексивном уровне, оперативнее, нежели реакции высших слоев сознания [Ibidem, p. 248]. Это фундаментальные и универсальные эмоции самосохранения, т.е. эмоции, возникающие при столкновении с пределом самой жизни. С этой точки зрения, чувство возвышенного располагается в диапазоне реакций, свойственных всем живым организмам. Об этой связи возвышенного с аффектами самосохранения писал еще Э. Берк². Конечно, можно возразить, что различаются страх и ужас, что второе – категория экзистенциального порядка, не подлежащего биологической оценке. В корне и того, и другого, однако, лежит один и тот же инстинкт, варьирующийся в своей степени. Его основная характеристика – то, что он *предшествует этапу осознания*, т.е. является *докогнитивным*.

Сегодня гуманитарные науки, вслед за нейрофизиологией и параллельно с ней, обращаются к понятию аффекта как отличного от чувства и эмоции. Так, Брайан Массуми, вслед за Бергсоном и Делезом, подчеркивает, что ключевая характеристика аффекта – это невозможность быть означенным и символизированным, т.е. *неподчиненность режиму сигнификации*, характеризующему когнитивный уровень. Аффект – это бессознательная «интенсивность», существующая до момента осознания себя как себя, как субъективности, за что ответственны как раз чувства и эмоции. «Эмоция – это субъективное содержание, социолингвистическая фиксация качества опыта, определяемого с этого момента как личный. Эмоция является неполной интенсивностью, традиционным и всеобщим местом вхождения интенсивности в семантически и семиотически оформленные прогрессии, в нарративизированные цепи действие/реакция, в функцию и значение» [15, p. 28]. Аффект же, предшествуя сознанию, предшествует также и субъективно-личному как подлежащему сигнификации.

Качество интенсивности здесь как раз и можно интерпретировать как напряжение, возникающее в стремлении найти выход из ставящей в тупик ситуации, преодолеть открываемые в ней пределы собственных возможностей. Если по Канту, в чувстве возвышенного свои пределы обнаруживает способность воображения (внепознательная, однако оперирующая образами, т.е. знаковыми единицами), то следуя логике исследований аффективности, это переживание (опыт-предел) относится к уровню чистой чувственности, а точнее – к особому ее типу – чувственности, стремящейся выйти за собственные границы, «чувственности ухода от чувственного».

Делез и Гваттари в «Что такое философия?» поставили вопрос об аффекте еще более радикальным образом, обосновав его онтологическую ценность и независимость от человеческого опыта. «Аффекты – это уже не чувства или переживания, они превосходят силы тех, кто через них проходит. Ощущения, перцепты и аффекты – это существа, которые важны сами по себе, вне всякого опыта. Они, можно сказать, существуют в отсутствие человека, потому что человек, каким он запечатлен в камне, на полотне или в цепочке слов, сам представляет собой составное целое перцептов и аффектов» [2, с. 209]. Таким образом, аффект понимается не только как несхватываемое в понятии, но как нечто, предшествующее человеку и его деятельности, лежащее в ее основании.

В схожих категориях рассуждает и Марк Хэнсен, обосновывая свое представление о новой эстетике «воплощенной аффективности» («embodied affectivity»). В эпоху «товарного отчуждения» именно телесность, с его точки зрения, хранит ценность материального как субстанции, укореняя и углубляя чувство самоидентичности (докогнитивного чувства собственной физической целостности) и связанности внутри человеческого рода. Действительно, аффекты, с одной стороны, предшествуют сознанию как индивидуальному, являясь типичными для целых групп людей в определенных ситуациях, с другой стороны, они ощутимы физически, а значит, всегда индивидуально. Если аффекты существуют сами по себе, как нечто надындивидуальное, то значит, и возвышенное тоже – самостоятельная субстанция, общая для всех. Испытываемое на докогнитивном, физическом уровне, оно возвращает к некой самореферируемой самости, существующей до языка и до каких-либо внешних структур.

Таким образом, подобные позиции позволяют по-новому оценить вопрос о субъективности/объективности возвышенного. Ведь еще для Канта оно было ценно именно как *sensus communis*, т.е. «общее чувство», свойственное не одному, но многим. Разница в том, что теперь в качестве основы аргумента об объективности

¹ Именно чувственность (а точнее, аффективность как одна из ее градаций) в XX веке становится объектом внимания надындивидуальных политических и экономических сил, стремящихся к установлению своего контроля над субъективностью через манипуляцию ее аффективной части. В то же время именно эта зона, этот способ переживания реальности окажется ответственным за сохранение целостности субъективности.

² «Если страдание (pain) не переходит в жестокость, а террор не связан с прямым разрушением субъекта (person)... то [эти эмоции] способны произвести восторг; не удовольствие, а род восторженного ужаса, покой с привкусом террора, который, поскольку он принадлежит к самосохранению, является одним из сильнейших из аффектов. Его объект – возвышенное» [8, p. 123].

выступает не общая для всех разумная способность, а материальная данность, телесная природа самих нервных импульсов, в буквальном смысле – электрических зарядов, которые и составляют работу сознания. (Сам человеческий мозг в некотором смысле можно определить как объект возвышенного, поскольку до сих пор не раскрыты до конца принципы его устройства и действия.)

Исследования психосоматических процессов не являются новшеством в дисциплинах нейрофизиологии, однако начиная с 1960-х – 1970-х годов использование новых методов наблюдения работы мозга (с 1990-х годов, например, это функциональная магнитно-резонансная томография, а также другие виды нейровизуализации) позволяют делать выводы, к которым все чаще прислушиваются и представители гуманитарных наук. Так, обоснованию особого направления, «сома-эстетики», а также применению методов нейронаук в исследованиях искусства посвящены работы искусствоведа Барбары Стэффорд [6; 19]. В свою очередь, нейробиолог Антонио Дамасио рассматривает мышление и эмоциональную активность как единое целое, укорененное в своих основаниях в теле, и последовательно критикует Декарта за его дуалистическое разделение мышления и тела и создание искусственной дихотомии между рациональным мышлением и эмоциями. Гипотеза Дамасио о соматическом маркере предполагает механизм, с помощью которого эмоциональные процессы и состояние тела могут направлять поведение и влиять на принятие решений [11].

Нейроориентированные теории позволяют обнаружить основания и механизмы возвышенного, его одновременную универсальность и субъективность в аффективной стороне восприятия. Понятое как аффект возвышенное располагается в докогнитивной сфере опыта и являет собой то, что не может быть означено, т.е. представлено в понятии или образе и укоренено в телесных процессах. Возвышенное, таким образом, даже являясь реакцией на какой-либо внешний «раздражитель», не может отсылать ни к чему, кроме самого себя как чистой интенсивности, обладая при этом характерным только для него набором физических характеристик состояний разомкнутости и напряженной, внутренне динамичной неподвижности (как в случае с эмоциями поиска, страха/ужаса и изумления, взятыми вместе), на стыке которых и рождается его уникальная специфика.

Список литературы

1. Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М., 2000. 480 с.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М. – СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 1998. 288 с.
3. Кант И. Критика способности суждения. СПб.: Наука, 2001. 512 с.
4. Кант И. Критика чистого разума / пер. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994. 591 с.
5. Лаку-Лабарт Ф. Проблематика возвышенного / пер. А. Магуна // Новое литературное обозрение. 2009. № 95.
6. A Field Guide to a New Metafield: Bridging the Humanities-Neurosciences Divide / ed. by B. Stafford. Chicago, 2011.
7. Ahmed S. Cultural Politics of Emotions. L. – N. Y., 2004.
8. Burke E. A Philosophical Inquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and Beautiful. Oxford – N. Y., 1990.
9. Connolly W. Brain Waves, Transcendental Fields, and Techniques of Thought // Radical Philosophy. 1999. № 94.
10. Connolly W. Neuropolitics: Thinking, Culture, Speed. Minneapolis, 2002.
11. Damasio A. Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain. L.: Vintage Books, 2006.
12. Damasio A. Looking for Spinoza: Joy, Sorrow, and the Feeling Brain. Orlando, 2003.
13. Hansen M. New Philosophy for New Media. Cambridge, 2004.
14. Leys R. The Turn to Affect: a Critique // Critical Inquiry. 2011. Vol. 37. № 3.
15. Massumi B. Parables for the Virtual. Movement, Affect, Sensation. Cambridge, 2002.
16. Nancy J.-L. The Sublime Offering // Of the Sublime: Presence in Question / essays by J.-Fr. Courtine, et al.; transl. by J. Librett. Albany, 1993.
17. Seddwick E. K. Touching Feeling: Affect, Pedagogy, Performativity. Durham, 2003.
18. Shaviro S. Post-Cinematic Affect. Winchester, 2010.
19. Stafford B. Soma-Aesthetics: Constructing Interiority // Journal of Neuro-Aesthetic Theory. 2005. № 4.
20. The Affect Theory Reader / ed. by M. Gregg, G. Seigworth. Durham – L.: Duke University Press, 2010.
21. The Affective Turn. Theorizing the Social / ed. by P. Clough, J. Halley. Durham, 2007.
22. Thrift N. Intensities of Feeling: towards a Spatial Politics of Affect // Geografiska Annaler. Series B. 2004. Vol. 86.
23. Thrift N. Non-Representational Theory: Space, Politics, Affect. L., 2007.
24. Tomkins S. S. Affect Imagery Consciousness: in 2 vols. N. Y., 1962-1963. Vol. 1.

SUBLIME CATEGORY IN TERMS OF PHILOSOPHICAL RESEARCHES ON AFFECTIVITY

Fedorova Kseniya Evgen'evna

*Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
ksenfedorova@gmail.com*

The article presents the analysis of the category of sublime from the point of view of the modern philosophical, as well as cultural and neuro-scientific theories of affectivity. The methodologies of these theories can reveal new features of the correlation between sensory and cognitive levels in the perception of sublime and define it as a phenomenon of “pure intensity” and the intention of overcoming the boundaries of sensuality arising at pre-cognitive level.

Key words and phrases: sublime; affect; experience-limit; imagination; sensuality; assignification; intensity.